DOI: 10.14515/monitoring.2022.1.1857

В. В. Кобыща, М. В. Новокрещенов, К. Ю. Шепетина

ЖИЛИЩНЫЕ ТРАЕКТОРИИ. ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ И РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Правильная ссылка на статью:
Кобыща В. В., Новокрещенов М. В., Шепетина К. Ю. Жилищные траектории. Обзор зарубежных и российских исследований // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 1. С. 348—383. https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1857.
For citation:
Kobyshcha V. V., Novokreshchenov M. V., Shepetina K. Y. (2022) Housing Trajectories. Review of Foreign and Russian Studies. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes.* No. 1. P. 348–383. https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1857. (In Russ.)

DOI: 10.14515/monitoring.2022.1.1857

ЖИЛИЩНЫЕ ТРАЕКТОРИИ. ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ И РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

КОБЫЩА Варвара Викторовна — научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; аспирантка, Университет Хельсинки, Хельсинки, Финляндия
E-MAIL: ko.varvara@gmail.com
https://orcid.org/0000-0001-8792-2750

НОВОКРЕЩЕНОВ Максим Владимирович — студент магистратуры, Университет Амстердама, Амстердам, Нидерланды
E-MAIL: m.newcross@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-1825-0097

ШЕПЕТИНА Ксения Юрьевна — студентка магистратуры, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: xenia.shepetina@gmail.com
https://orcid.org/0000-0003-4968-6616

Аннотация. Жилищные траектории — это последовательности изменений мест и условий проживания, а также жилищного статуса в течение жизни человека. Изучение жилищных траекторий — ключевое направление в поле исследований жилищной мобильности. Статья посвящена анализу основных концептуальных и методологических подходов к изучению жилищных траекторий в социальных науках, с фокусом на поле городских и жилищных исследований. В ней систематизированы современные англоязычные и русскоязычные источники, а также продемонстрирована структура международной академической дискуссии о жилищных траекториях. Эта дискуссия строится вокруг дихотомии «структура — актор»,

HOUSING TRAJECTORIES. REVIEW OF FOREIGN AND RUSSIAN STUDIES

Varvara V. KOBYSHCHA[1,2] — Research Fellow; PhD Student
E-MAIL: ko.varvara@gmail.com
https://orcid.org/0000-0001-8792-2750

Maksim V. NOVOKRESHCHENOV[3] — Master Student
E-MAIL: m.newcross@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-1825-0097

Ksenia Yu. SHEPETINA[1] — Master Student
E-MAIL: xenia.shepetina@gmail.com
https://orcid.org/0000-0003-4968-6616

[1] HSE University, Moscow, Russia
[2] University of Helsinki, Helsinki, Finland
[3] University of Amsterdam, Amsterdam, The Netherlands

Abstract. Housing trajectories are a sequence of changes in places, living conditions, and housing status for a person's lifetime. The study of housing trajectories is a key area in housing mobility research. The article analyzes the main conceptual and methodological approaches to studying housing trajectories in the social sciences, with a focus on urban and housing research. Systematizing contemporary English-language and Russian-language sources, the authors demonstrate the structure of the international academic discussion about housing trajectories. Although discussion is built around the "structure-actor" dichotomy, researchers are looking for ways to overcome it and develop an integrative approach. A key issue is the

DOI: 10.14515/monitoring.2022.1.1857

однако исследователи находятся в поиске путей ее преодоления и выработки интегративного подхода. Одним из ключевых концептуальных вопросов является вопрос о степени и формах агентности людей, выстраивающих на практике свои жилищные траектории. В статье предлагается сравнение ответов, предлагаемых как структурно-, так и акторно-ориентированными подходами. В заключении очерчивается повестка для будущих исследований жилищных траекторий в России, которая, с одной стороны, будет встроена в международную академическую дискуссию по этой теме, а с другой — позволит расширить географию исследований и развить имеющиеся концептуальный аппарат.

degree and forms of agency of people who build their housing trajectories in practice. The article compares the answers offered by both structural and actor-oriented approaches. In conclusion, the authors outline the agenda for future research on housing trajectories in Russia which, on the one hand, is integrated into the international academic discussion on this topic and, on the other hand, allows expanding the geography of research and developing the existing conceptual apparatus.

Ключевые слова: жилищные траектории, жилищная мобильность, городские исследования, биография, жилищные исследования

Keywords: housing trajectories, housing mobility, urban studies, biography, housing studies

Введение

Исследования жилищной мобильности практически с самого начала вошли в «джентельменский набор» городской социологии (см., например, [Зорбо, 2004 (1929)]), однако большее внимание ей стали уделять в послевоенные годы (см. например, [Leslie, Richardson, 1961; Payne, Payne, 1977]). Уже в этот период исследователи стали понимать жилищную мобильность не только как отдельные акты смены жилья, но и как траекторию — последовательность изменений. Это произошло, когда акты жилищной мобильности попали в поле зрения исследователей жизненного цикла: их стали анализировать в связке с развитием профессиональной карьеры, семейных отношений и социально-экономического положения человека.

Траектория — это наиболее общее, зонтичное понятие, которое включает в себя несколько родственных терминов, отсылающих к разным моделям объяснения того, как такая последовательность развивается и формируется. К самым распространенным терминам относятся «карьера» (career), «история» (history) и «путь» (pathway). Траектории описываются как через смену мест, так и через изменение других принципиальных характеристик: формы жилищных отношений, качества, размера и стоимости жилья. Кроме того, важно, что траектория включает не только переезды, хотя основное внимание уделяется именно им, но также периоды иммобильности, решения *не* менять жилье и действия, которые с этим связаны.

DOI: 10.14515/monitoring.2022.1.1857

Таблица 1. ***Типология исследований жилищных траекторий***

География исследований	**Группы теоретических моделей, описывающих жилищные траектории**	**Факторы, которые исследователи рассматривают как определяющие при анализе того, как выстраиваются жилищные траектории**
Зарубежные исследования	Структурно-ориентированные	— Жилищная система. — Система семейных отношений. — Структура социально-экономического неравенства. — Система коллективных представлений и доминирующих дискурсов.
	Акторно-ориентированные	— Жизненный курс. — Смыслы и эмоции, связанные с домом и жилищной мобильностью. — Комбинация структурных условий, в которых находится человек, с разнообразными смыслами и действиями, которые он производит в этих условиях.
Российские исследования	Структурно-ориентированные	— Структурные и институциональные трансформации в постсоветский период. — Структура социально-экономического неравенства.
	Акторно-ориентированные	— Жизненные циклы. — Смыслы и эмоции, связанные с переживанием дома.

Цель нашей статьи — проанализировать основные концептуальные и методологические подходы к изучению жилищных траекторий в социальных науках с фокусом на поле городских и жилищных исследований. В первой части мы рассматриваем современные англоязычные источники и демонстрируем структуру международной академической дискуссии о жилищных траекториях. В отличие от предыдущих обзоров по этой теме, которые описывают эволюцию теорий [Beer et al., 2011], мы даем срез концептуальных и методических инструментов, которыми пользуются исследователи жилищных траекторий сегодня (см. табл. 1). Мы располагаем их друг относительно друга (внутри координат «структура — актор») и демонстрируем, какие феномены, связанные с жилищными траекториями, интересуют бóльшую часть ученых, несмотря на разницу в их концептуальных подходах. Во второй части мы обращаемся к релевантным работам российских исследователей. Поскольку в России пока было реализовано гораздо меньше проектов, посвященных непосредственно жилищным траекториям, мы включаем в рассмотрение тематически более широкий набор работ. Они описывают различные аспекты жилищной мобильности и по ним можно делать частичные выводы о траекториях, а также о социальном и институциональном контексте, в котором

DOI: 10.14515/monitoring.2022.1.1857

они разворачиваются. Описание этих исследований структурировано по тем же координатам, чтобы показать, как они могут быть встроены в международную дискуссию о жилищных траекториях. В третьей части мы даем краткую характеристику методам и данным, которые используются для проведения исследований в этой области как в России, так и за рубежом. В заключении мы очерчиваем повестку для будущих исследований жилищных траекторий в России, которая, с одной стороны, будет встроена в международную академическую дискуссию по этой теме, а с другой — позволит расширить географию исследований и развить имеющийся концептуальный аппарат.

1. Зарубежные исследования

Зарубежные академические тексты с результатами эмпирических исследований жилищных траекторий имеют несколько типичных форматов. Во-первых, в них может описываться вся последовательность периодов жилищной мобильности и иммобильности целиком: ее направленность, частота смены жилья, факторы, влияющие на ее развитие (см., например, [Clark, Deurloo, Dieleman, 2003]). Во-вторых, в ней могут рассматриваться отдельные, как правило, особенно значимые с точки зрения социальной политики фазы, например, начало самостоятельной жизни у молодежи или жилищные решения в старшем возрасте [Beer et al., 2011]. Здесь в некоторых случаях исследователи изучают не только фактическую траекторию, но и жилищные устремления, представления о желаемой или «нормальной» жилищной траектории [McArthur, Stratford, 2021]. В-третьих, такие статьи могут быть сфокусированы на единичных переездах или периодах иммобильности — их причинах, направлениях и смыслах, которые они имеют в более широком биографическом контексте [Metcalfe, 2006; Rosen, 2017]. Даже если в тексте не раскрывается вся фактическая последовательность жилищных событий и состояний, а таких текстов большинство, авторы подразумевают, что тот момент или период, на котором они сосредотачиваются, встроен в более длительную биографическую последовательность и социально-исторический контекст. К примеру, причины и последствия переезда, а также выбор конкретного жилья могут интерпретироваться исходя из предыдущего опыта информантов, конфигурации институциональных и рыночных возможностей для осуществления мобильности, представлений о том, как должна выстраиваться их жизнь в будущем, и т. д.

Как и во многих других предметных полях, теоретические дебаты в поле исследований жилищных траекторий разворачиваются преимущественно вокруг дихотомии «структура — актор», а также вокруг поиска путей для преодоления этой дихотомии [Clapham, 2012b]. Исследования, сфокусированные на структуре, показывают, как развитие типичных или маргинальных жилищных траекторий зависит от крупных социально-экономических факторов, таких как институциональная система и направление жилищной политики государства. Исследования, сфокусированные на акторе, показывают, как человек действует или бездействует по отношению к жилью в тех или иных обстоятельствах.

Важно обратить внимание, что в исследованиях второго типа может быть сделан акцент на агентности индивида, но это совсем не обязательно. Например, работы, которые описывают «лестницу» жилищной карьеры [Morrow-Jones, Wenning, 2005:

DOI: 10.14515/monitoring.2022.1.1857

1740—1741], предполагают, что поведение человека по отношению к жилью объясняется моделью, согласно которой человек принимает решения самостоятельно, обладая необходимой информацией о своих возможностях. Он старается постоянно максимизировать полезность, то есть на каждой следующей ступени улучшать свои жилищные условия (в первую очередь форму жилищных отношений, а также стоимость жилья). Другими словами, у человека при таком исследовательском подходе нет иной агентности кроме способности к экономической рациональности. В других работах (см., например, Coulter et al., 2011]), также сфокусированных на акторе, жилищные решения человека понимаются как функция от его биографических событий, причем наиболее типичных для той или иной фазы «жизненного цикла»: создание собственной семьи, рождение ребенка, выход на пенсию и т. п.

Фокус на структуре или на акторе, таким образом, это в первую очередь методологический ход, который задает определенную перспективу и дизайн исследования. Как мы покажем далее, и структурно-, и акторно-ориентированные исследования могут включать несколько разных концептуальных подходов. Более того, агентность, выражающаяся в способности менять свою жилищную ситуацию и смысловой контекст, в котором выстраивается жилищная траектория, можно обнаружить как в структурно-, так и в акторно-ориентированных исследованиях.

1.1. Структурно-ориентированные исследования

Вопросы социальной структуры появились в социальных исследованиях жилищной мобильности не сразу, а как критика неоклассического экономического подхода, ассоциировавшегося с понятием «жилищная карьера». Ему были противопоставлены понятия «жилищная история» *(housing history)* и «жилищный путь» *(housing pathway)*, которые позволяли продемонстрировать, что далеко не всегда человек имеет возможность действовать в отношении своего жилья как свободный рациональный агент, постоянно стремящийся максимизировать, полезность [Beer et al., 2011]. Как правило, его жилищная траектория обусловлена его позицией на рынке труда и в социальной иерархии в целом, динамикой развития политических и социально-экономических отношений в конкретном регионе, семейной историей [Forrest, Izuhara, 2012; Forrest, Murie, 1987]. Более того, субъектом жилищной траектории здесь, как правило, является не отдельный человек или домохозяйство, а поколение. Например, часто сравниваются жилищные траектории «миллениалов», которые имеют дело с либеральным рынком жилья, прекарной занятостью, более гибкими семейными отношениями, и их родителей, чья жилищная траектория складывалась в более благоприятных и стабильных условиях. Однако надо заметить, что, хотя социальные исследователи и отошли во многом от экономической аксиоматики в изучении жилищной мобильности, понятие «жилищная карьера» по-прежнему распространено и может употребляться в более широком смысле.

Можно выделить несколько факторов, способствующих развитию структуралистских объяснительных моделей жилищной мобильности. Во-первых, оно было связано с расширением объекта исследований и включением в выборку людей с низким материальным достатком [Stephens, Leishman, 2017; Wang et al., 2019], мигрантов [Aigner, 2019; Maslova, King, 2020; Özüekren, van Kempen,

DOI: 10.14515/monitoring.2022.1.1857

2002; Vogiazides, Chihaya, 2020], бездомных [Clapham, 2003; Parsell, Parsell, 2012], представителей ЛГБТ-сообществ [Feliciantonio, Dagkouly-Kyriakoglou, 2020] и других уязвимых — в рамках конкретной национальной системы распределения благ — категорий, чьи жилищные траектории никак не вписывались в модель, характеризующую процесс постепенного улучшения качества и ценности жилья по мере стабильного роста дохода в течение жизни [Clark, Deurloo, Dieleman, 2003]. Помимо «традиционных» уязвимых категорий в круг внимания исследователей постепенно входят и те, кто сталкивается со специфической дискриминацией, порожденной именно жилищными отношениями (например, арендаторы, владеющие домашними животными [Power, 2017]).

Во-вторых, все чаще стали проводиться международные сравнительные исследования жилищной мобильности (см. например, [Feijten, 2007]). Они основаны на количественных данных, полученных в результате массовых панельных обследований в масштабе страны, и предполагают анализ базовых показателей, которые описывают социально-демографический состав населения и экономическое поведение граждан (см., например, [Albertini, Kohli, 2013; Coulter, van Ham, Feijten, 2011]). Такого рода исследовательские проекты базируются на представлении о том, что в каждой из стран сложилась своя система распределения ресурсов, в том числе и жилищных, которая объясняет различия в том, как выглядят наборы типичных жилищных траекторий. Они нацелены на выявление трендов в формировании жилищных траекторий, характерных для каждой из стран (или групп стран с похожими системами), и на поиск корреляции между переменными, описывающими жилищные статусы, с другими социально-демографическими и экономическими характеристиками.

Третий фактор, способствовавший распространению структуралистских исследований жилищной мобильности, касается изменений в эмпирическом контексте, который наблюдают ученые. На нем мы остановимся немного подробнее. Популярность структурно-ориентированных моделей связана с глобальными трендами политэкономического развития и изменениями, произошедшими в жилищных сферах разных стран. В условиях оформившихся неолиберальных режимов и ослабевающего государства всеобщего благосостояния жилье перестало рассматриваться как безусловное общее благо, гарантированное государством, каким оно в той или иной мере признавалось в послевоенный период, и стало одной из форм экономического капитала — источником выгоды, долгосрочной инвестицией или накоплением [Wind, Hedman, 2017]. Жилье вместе с другими социальными благами, например, медицинскими услугами, в значительной мере перешло из области государственной ответственности в область свободных рыночных отношений [Dewilde, Ronald, 2017]. Это, в свою очередь, означало постепенное увеличение неравенства и социально-экономического разрыва между людьми, которые могут позволить себе жилье разной стоимости, формы пользования или владения (собственность, частная или социальная аренда, проживание в жилье родственников, партнера и т. д.). Жилищное неравенство, как правило, усиливается в связке с сокращением регулирования и защиты трудовых отношений, распространением прекарных форм занятости и стимулированием мобильности рабочей силы [Dol, Boumeester, 2018].

DOI: 10.14515/monitoring.2022.1.1857

Динамика неравенства в контексте жилья наиболее наглядно представлена в исследованиях межпоколенческого трансфера недвижимости и жилищных траекторий молодых людей. Социальная проблема, лежащая в их основе, — это снижение шансов более молодого поколения на то, чтобы владеть собственным жильем, по сравнению с шансами, которые были у поколения их родителей [Green, 2017]. Эта тенденция особенно сильно выражена в странах с либеральной экономикой, где предпочтение традиционно отдается домовладению. Части молодых людей все-таки удается это сделать, как правило, благодаря наследованию недвижимости или перераспределению семейного капитала от старших к младшим, но это происходит на более поздних этапах жизни [Coulter, 2018]. Часть людей вообще не имеет шансы приобрести жилье. При этом зачастую они также не попадают под узкие категории нуждающихся, кому положено социальное жилье или жилищные субсидии в этих странах. В результате они остаются вечными квартиросъемщиками на сравнительно малорегулируемом и малопредсказуемом рынке частной аренды. Даже несмотря на облегчение системы жилищного кредитования, дети квартиросъемщиков, скорее всего, тоже останутся квартиросъемщиками и не смогут приобрести жилье самостоятельно [Köppe, 2018]. В то же время старшее поколение «беби-бумеров», успевших воспользоваться более стабильной ситуацией на рынке труда и в жилищной сфере (государство всеобщего благосостояния), теперь капитализируют имеющееся жилье и приобретают дополнительную недвижимость, призванную стать их финансовой «подушкой безопасности» в пожилом возрасте [Mandič, Mrzel, 2017]. Таким образом, растет как меж- [Hoolachan, McKee, 2018; Ronald, Lennartz, 2018], так и внутрипоколенческое неравенство [Lennartz, Helbrecht, 2018]. Структурные факторы — социально-экономический статус семьи, пространственная сегрегация, политики по преодолению жилищного кризиса или их отсутствие — все сильнее влияют на то, как выстраиваются жилищные траектории и более широкий процесс социальной мобильности молодых поколений.

Структурные модели в исследованиях жилищной мобильности используют в качестве объяснения один из следующих элементов или их комбинацию: (1) жилищные системы; (2) систему межпоколенческих семейных отношений, (3) структуру социально-экономического неравенства в обществе; (4) систему доминирующих коллективных представлений, которые производятся в дискурсе, касающемся жилья и социальной мобильности. Далее мы подробнее рассмотрим, что включает в себя каждый из этих элементов.

1.1.1. Жилищная система

Исследования жилищной мобильности являются элементом более широкого поля исследований жилищных систем и их связи с организацией государства благосостояния [Lowe, 2011; Kemeny, Lowe, 1998]. Одна из последних версий модели жилищных систем была разработана С. Арбачи [Arbaci, 2019], она основана на сравнительном анализе количественных данных по крупным европейским и англосаксонским городам в середине 1990-х, целью которого был поиск связи между жилищными системами и пространственной сегрегацией в крупных городах. Эта модель включает четыре жилищные системы: социально-демократическую, корпоратистскую, либеральную и семейную.

DOI: 10.14515/monitoring.2022.1.1857

Первые два типа предполагают, что государство в значительной мере поддерживает статус жилья как блага, нежели товара, обеспечивая людей жильем напрямую, предоставляя жилищные субсидии, регулируя жилищный рынок и обеспечивая защиту прав жильцов. Эти меры распространяются на всех или на достаточно широкий круг граждан. Для рынка аренды это означает, что здесь нет разрыва между частной и социальной формами аренды, так как обе части рынка подвергаются сильному государственному регулированию, а права арендаторов в обоих случаях хорошо защищены [Kemeny, 2001]. Поэтому в целом аренда в таких странах воспринимается как легитимная форма организации жилищных отношений и долгосрочное решение не только в молодом, но и в старшем возрасте. Либеральная система, напротив, предполагает, что государство максимально устраняется из жилищного рынка. Здесь преобладают частная собственность на жилье, использование жилья как финансового актива и крайне ограниченная поддержка государством жилищных прав граждан. Субсидии распространяются только на малоимущие слои и тех, кто напрямую зависит от государства. Это приводит к заметному разрыву между социальной и частной арендой. Частная аренда слабо поддается регулированию, и арендаторы оказываются в весьма уязвимой и нестабильной позиции (классическим примером такой модели является Великобритания с начала 1980-х годов, а также Австралия, Канада и Новая Зеландия — с 1990-х). Домовладение продолжает рассматриваться как норма, даже когда вследствие все большей финансиализации жилищного сектора, для большинства людей резко сокращаются возможности его приобрести.

1.1.2. Система межпоколенческих семейных отношений

Первые три типа жилищных систем, описанные С. Арбачи, более-менее повторяют результаты предыдущих исследований. Четвертый тип позволяет расширить и развить сложившуюся теоретическую модель. Семейная жилищная система, распространенная в странах Южной Европы и Глобального Юга (см. пример Чили [Stillerman, 2017]), объединяет в себе характеристики корпоратистской и либеральной систем, но при этом в ее основе лежат связи внутри расширенной семьи как основной механизм (пере)распределения недвижимости и иных ресурсов: через наследование, предоставление возможности проживания, финансирование аренды или покупки. Впрочем, системы семейных отношений и «межпоколенческий контракт», то есть принципы поддержки и распределения ресурсов между представителями разных поколений одной семьи — от старших к младшим и наоборот, которые считаются справедливыми, оказываются существенным фактором жилищной мобильности везде, не только в южных странах (см. примеры стран Восточной Европы [Druta, Ronald, 2018; Zavisca, 2012]. К примеру, в Южной Европе больше распространено совместное проживание родителей с повзрослевшими детьми и возвращение в родительский дом в кризисных жизненных ситуациях (развод, потеря работы и т. д. [Arundel, Lennartz, 2017]), но в странах Северной Европы родители гораздо чаще оказывают регулярную финансовую помощь взрослым детям, что, наряду с мерами государственной поддержки, облегчает их самостоятельное проживание [Albertini, Kohli, 2013; Isengard, König, Szydlik, 2018].

DOI: 10.14515/monitoring.2022.1.1857

Впрочем, более пристальное внимание к семейным отношениям как фактору, оказывающему влияние на формирование жилищной траектории, и качественный анализ позволяют увидеть их процессуальную природу. Как правило, они подразумевают переговорный процесс, выработку компромиссов, переопределение отношений и идентичностей в результате того или иного межпоколенческого трансфера, связанного с жильем [Cook, 2021; Druta, Ronald, 2018; Heath, 2018; Levy, Murphy, Lee, 2008]. Расширенная семья выступает в качестве комплексного субъекта жилищной траектории, соединенного межпоколенческим контрактом, отношениями реципрокности, зависимости и т. д.

1.1.3. Структура социально-экономического неравенства

Существует базовый набор социально-демографических и социально-экономических показателей, которые исследователи проверяют на наличие корреляции с типом жилищной траектории или какими-то отдельными ее параметрами. К ним относятся в первую очередь те, что показывают уровень дохода и образования, а также сферу и форму занятости — как самого человека, так и его семьи. В целом они мало отличаются от показателей, используемых для анализа структуры неравенства в других областях потребления. Однако важным дополнением выступает внимание к жилищному (tenure) статусу: является ли человек домовладельцем, социальным или частным арендатором. То, насколько сильно каждый из этих показателей при прочих равных связан с жилищной траекторией, является вопросом для эмпирической проверки и может различаться в зависимости от страны, исторического периода, конкретных категорий людей или стадии жизненного курса. Как правило, значимость этих показателей рассматривается в масштабах всего населения той или иной территории, а точнее тех, кто обычно попадает в национальные количественные обследования. Однако вопросы социально-экономического неравенства в отношении жилищных траекторий могут рассматриваться и более сфокусированно — применительно к уязвимым и маргинализированным категориям людей, о чем мы упоминали ранее.

Также стоит обратить внимание на то, что помимо социально-экономического положения индивида или домохозяйства на развитие жилищных траекторий могут существенно влиять локальная система пространственного неравенства и динамика местного рынка недвижимости [Clark et al., 2003; Wind, Hedman, 2017]. Хотя исследования национального масштаба по-прежнему преобладают, появляется все больше работ, описывающих жилищные траектории в более мелком масштабе, что позволяет анализировать различия между регионами, городами и районами в рамках одной жилищной системы [Aigner, 2019; Aliu, 2019; Alkay, 2011; Cui, 2020; Forrest, Izuhara, 2012; Li, Mao, 2019; Shuttleworth, Cooke, Champion, 2019].

1.1.4. Система коллективных представлений и доминирующих дискурсов

Исследования дискурса о жилье начинаются с анализа документов жилищной политики [Hastings, 2000]. Государство производит не только меры регулирования и правила игры. С помощью текстов жилищных политик оно формирует представления о «правильном» гражданине, задает набор возможностей по построению индивидуальной траектории и расставляет моральные оценки тем или иным фор-

DOI: 10.14515/monitoring.2022.1.1857

мам жилищного потребления. Наиболее фундаментальным сдвигом, который произошел в государственном дискурсе о жилье во многих странах, считается конструирование домовладения как эталонной и единственной по-настоящему приемлемой формы жилищных отношений [Gurney, 1999; Ronald, 2008], относительно которой все остальные формы считаются более или менее маргинальными [Brown, King, 2005]. Однако государство перестало быть единственным источником этого дискурса, он дал начало множеству низовых практик правительности (governmentality), а также был интериоризирован отдельными людьми как основа их жилищных устремлений [Preece et al., 2020].

Включение дискурса в анализ жилищных траекторий открывает ряд исследовательских возможностей. Во-первых, дискурс — более гибкий феномен, позволяющий изучать не только социально-экономические факторы, но и структуру культурных представлений, специфичную для определенных обществ и определенного исторического периода. Таким образом, он дает возможность объяснять не только сходства между странами, принадлежащими к одной жилищной системе, но и различия — исторические и межстрановые. Во-вторых, когда жилищную политику понимают как дискурс, становится заметно, что она не обязательно является монолитной и однонаправленной, а может быть, напротив, внутренне неоднородной, противоречивой и изменчивой. Она складывается как динамическая констелляция различных решений и ценностей [Meeus, Decker, 2015].

В-третьих, исследование дискурса позволяет продемонстрировать зазор, который возникает между «объективными» характеристиками жилищной системы на данный момент (состояние рынка недвижимости и рынка труда, степень социально-экономического неравенства, направленность жилищной политики государства), с одной стороны, и нормами в отношении жилья и социальной мобильности людей — с другой. Наиболее очевидный пример — поддержание идеологии домовладения в ситуации, когда оно оказывается доступно все меньшему числу людей [Fikse, Aalbers, 2020; Raco, 2012].

В-четвертых, разрыв между структурными обстоятельствами и дискурсивно сконструированной реальностью открывает пространство для агентности и эмоций, с которыми сопряжено проживание резидентной траектории и которые актуализируются в нарративе о ней [McKee et al., 2020]. Агентность концептуализируется как противодействие существующему режиму правительственности [Mckee et al., 2017], либо как креативные и разнообразные практики, с помощью которых человек строит свою жилищную траекторию и биографию, исходя из актуальных дискурсов и структурных условий [Meeus, Decker, 2015]. В частности, исследователи показывают, что реакция на представления, циркулирующие в доминирующем дискурсе, может различаться. Человек способен рефлексивно и прагматично «работать» со структурными условиями, в которых он находится, а также с требованиями к его траектории, предъявляемыми обществом, и оценками ее соответствия норме.

Благодаря этому в исследованиях жилищных траекторий постепенно формируется дополнительное направление — исследования жилищных устремлений (aspirations). Устремления возникают на стыке доминирующего дискурса и индивидуального биографического нарратива, они позволяют соединить темпоральное

DOI: 10.14515/monitoring.2022.1.1857

и статусное измерения траектории, а также обнаружить, каким образом человек на практике преодолевает разрывы между дискурсивными нормами и структурными условиями [Preece et al., 2020]. Однако понятие жилищных устремлений пока полностью не устоялось, оно часто используется наряду с другими терминами (например, «ожидания» или «предпочтения»), а гипотезы о связи между стремлениями и жилищными системами нуждаются в более тщательной эмпирической проверке [Preece et al., 2020]. Большинство из опубликованных эмпирических исследований описывают устремления молодых людей [Colic-Peisker, Johnson, 2012; McKee, 2012; Paris et al., 2011], хотя есть и те, что применяют это понятие к более старшим возрастным группам [Benson, Jackson, 2017; Raco, 2009].

1.2. Акторно-ориентированные исследования

Вторая группа исследований помещает в центр анализа самих акторов. Переезды рассматриваются в контексте более широкой биографической траектории. В зависимости от того, как концептуализируется биография — как последовательность относительно универсальных предзаданных жизненных стадий или как рефлексивный проект, — действующим приписывается бóльшая или меньшая агентность, то есть способность действовать и конструировать смысловой контекст своих действий. Значительная часть этой группы исследований посвящена смыслам, которые придаются жилью и переездам, однако в целом акторно-ориентированные исследования жилищных траекторий неоднородны. Среди их авторов идут споры и формулируются принципиально разные идеи о жилье и переездах. В этом разделе мы рассмотрим три основных направления, сложившихся на сегодняшний день. Первое направление фокусируется на жизненном курсе, второе — на смыслах и эмоциях, связанных с домом и жилищной мобильностью, третье — на комбинации структурных условий, в которых находится человек, с разнообразными смыслами и действиями, которые он производит в этих условиях (интегративный подход).

1.2.1. Жизненный курс

Концепция жизненного курса предполагает, что индивидуальная биография человека состоит из серии событий, каждое из которых можно отнести к одной из жизненных карьер: карьере в домохозяйстве, жилищной карьере. События, которые происходят в рамках одной из этих карьер, могут иметь последствия, в том числе и долгосрочные, для других карьер. Из совокупности разных карьер и их влияния друг на друга формируется индивидуальный жизненный курс [van Ham, 2012].

Слово «индивидуальный» используется в двух смыслах. Во-первых, оно указывает на то, что речь идет о жизненном курсе индивида, а не домохозяйства. Именно поэтому его карьера в рамках домохозяйства (или домохозяйств) рассматривается как составная часть его жизненного курса. Во-вторых, «индивидуальный» означает «уникальный». Дело в том, что концепция жизненного курса в исследованиях жилищной мобильности пришла на смену более ранней концепции «жизненного цикла» (life cycle) [Pickvance, 1974]. Изначально предполагалось, что поведение индивида на рынке жилья определяется прежде всего стадией жизни, на которой

DOI: 10.14515/monitoring.2022.1.1857

он находится, причем все люди проходят более-менее одинаковые жизненные стадии в одинаковой последовательности: жизнь в родительском доме, вступление в брак и переезд от родителей, рождение детей, отделение и переезд детей и т. д. Каждая стадия предполагает свои специфические потребности относительно жилья (тип, размер и т. п.), а переезд позволяет перейти к более полному удовлетворению этих потребностей.

Концепция жизненного курса, хотя и ставит также решения о переезде в зависимость от разных жизненных событий, которые могут качественно или количественно изменять потребность в жилье, не предполагает, что набор и последовательность этих событий предзаданы. Жизненные карьеры могут складываться абсолютно по-разному, и движение по ним на протяжении жизни далеко не всегда бывает восходящим [Beer et al., 2011; Winstanley, Thorns, Perkins, 2002]. Диверсификация жизненных стратегий в современном мире, например, распространение сознательного отказа от деторождения, рост числа разводов, отложенное взросление [Clapham, 2002], иллюстрирует, как по-разному могут складываться жизненные карьеры и как важно для исследователя не делать поспешных выводов о наличии общих и универсальных жизненных циклов.

Таким образом, эта группа исследований отвечает на вопросы, как различные жизненные события и решения могут влиять на желание переехать, возможность реализовать это желание и сам акт переезда [Coulter, van Ham, 2013; Coulter et al., 2011; Feijten, 2007]. Хотя набор жизненных событий в целом остается довольно типичным, авторы обращают внимание на вариации в характеристиках этих событий. Например, исследования показывают, что на выбор типа первого жилья после переезда из родительского дома влияет не только наличие или отсутствие партнера, но также статус отношений с ним [Deurloo, Clark, Dieleman, 1994; Mulder, Hooimeijer, 1999; Mulder, Manting, 1994]. Развод для одного или обоих супругов часто ведет к переходу от владения жильем к аренде, а в некоторых случаях — к возвращению в родительский дом [Feijten, 2005; Feijten, van Ham, 2007]. При достижении пожилого возраста увеличивается вероятность обладать собственным жильем и заметно снижается частота переездов, однако в странах с высоким уровнем жизни постепенно появляются и противоположные тенденции [Beer et al., 2011].

Такой подход к жилищной мобильности, безусловно, не только подчеркивает значимость индивидуальной биографии для жилищной карьеры, но и предполагает наличие у акторов определенной агентности: люди могут по-разному выстраивать свои жизненные траектории, соответственно, и их путь на рынке жилья будет разным. Но все-таки этот взгляд не подразумевает полной свободы действующего. Он нацелен на поиск устойчивых регулярностей в пересечении биографии и жилищной траектории и сохраняет предпосылку о том, что актор стремится достичь оптимального соотношения между характеристиками жилья и тем, что требуется для развития разных составляющих его жизненного курса. Иными словами, два разных индивида, которые имеют схожую конфигурацию жизненных карьер, обладают одинаковым по своим характеристикам жильем и действуют в одних и тех же структурных условиях, неизбежно будут принимать одинаковые решения в отношении жилья. Культурные смыслы и разнообраз-

DOI: 10.14515/monitoring.2022.1.1857

ные способы интерпретации жизненных обстоятельств, как правило, остаются за скобками такого рода исследований, хотя постепенно сторонники этого подхода начинают декларировать их значимость [Clark, 2012].

1.2.2. Смыслы

Вторая группа акторно-ориентированных исследований менее многочисленна. В нее входят в основном качественные работы, написанные в духе культурсоциологии и исследований культуры потребления. Они посвящены тому, как через переезды и пользование жильем конструируются идентичность и социальные отношения. В фокусе ученых находится то, какими смыслами жилье обладает для разных людей, как в зависимости от этого развивается их жилищная (им)мобильность, как они переживают свой опыт нахождения в том или ином месте, в тех или иных жилищных условиях [Parsell, 2012].

Подобные исследования зачастую противопоставляют себя концепции жизненного курса как чересчур опирающейся на модель экономической рациональности и критикуют количественный подход в исследованиях жилищной мобильности [Winstanley et al., 2002]. Их не устраивает, в частности, то, что в подобных работах игнорируется процессуальный характер принятия решений о жилье, который неразрывно связан с гендерным неравенством и распределением власти внутри семьи. Исследователи настаивают, что отношения с жильем нужно анализировать в их сложности и разнообразии.

Здесь исследования жилищных траектории тесно смыкаются с исследованиями дома (home) как одновременно смыслового, эмоционального и материально феномена [Easthope, 2004; Hamzah, Adnan, 2016; Winstanley et al., 2002]. Однако жилье рассматривается не только как ключевое место в жизненном пространстве человека, но и как узел в системе отношений человека с государством и другими людьми. В связи с этим большое внимание уделяется также жилищному статусу и его изменениям в течение жизни человека [Bates et al., 2020; Köppe, 2017] — одной из базовых составляющих идентичности и онтологической безопасности [Hiscock et al., 2001; Knight, 2002; McKee et al., 2020; Smith, 2017; Winstanley et al., 2002]. Чтобы изучить фундаментальную роль жилья, ученые обращаются к анализу онтологических нарративов — историй, которые акторы создают и используют для осмысления своей жизненной ситуации и осуществления тех или иных действий [Gutting, 1996].

Подобные исследования обычно в качестве метода сбора данных используют нарративные биографические интервью, которые могут дополняться наблюдениями[1]. Это позволяет анализировать жилищную траекторию с точки зрения действующего, который может руководствоваться разными логиками и видами рациональности. Авторы не отрицают существование внешних, структурных факторов, но стремятся продемонстрировать, что у акторов в любом случае остается возможность самостоятельно осуществлять навигацию в поле смыслов, решений и действий. Это касается не только отдельных решений, но и более фундаменталь-

[1] Хотя есть и исключения в виде количественных исследований культурных значений жилья (см., например, [Saunders, 1989]).

DOI: 10.14515/monitoring.2022.1.1857

ных механизмов, с помощью которых актор управляет временем и пространством, в которых разворачивается его жизнь.

А. Меткалф [Metcalfe, 2006], опираясь на античное понятие *kairos*, разбирается в том, что на практике значит *правильное время* для смены жилья. На примере четырех эмпирических кейсов он показывает, как люди распознают констелляцию необходимых условий, устанавливают временные границы действия и, в итоге осуществляя переезд, формируют дальнейшее направление своей жизненной траектории. В таких поворотных точках жилищной траектории создается или заново конституируется дом (home). Автор анализирует жилищную мобильность представителей среднего класса, у которых, несмотря на определенные финансовые ограничения, есть сравнительно бóльшие возможности для того, чтобы выбирать, принимать решения и действовать согласно тому, какой они хотят видеть следующую стадию своей жизни. Э. Розе [Rosen, 2017] применяет смысло-ориентированный подход для изучения совсем иной категории людей — малообеспеченных резидентов социального жилья в Америке, которые остаются иммобильными или маломобильными, даже когда жилищная субсидия позволяет им переехать в район с более высоким качеством жизни. Это исследование демонстрирует силу нарративов, с помощью которых горожане рефлексируют свой опыт жизни в конкретном месте и которые служат основой для принятия ими дальнейших решений. Жилищная мобильность случается после того, как происходит событие, разрывающее этот локальный биографический нарратив, событие, которое невозможно нормализовать.

Хотя такого рода исследования предлагают гораздо более насыщенное описание жилищных траекторий людей, то, что исследователи зачастую намеренно уделяют меньше внимания системным закономерностям и структурным факторам, делает этот подход фрагментарным. Кроме того, он не позволяет масштабировать полученные выводы и оценивать, насколько распространены и типичны культурные механизмы, работу которых описают исследователи. Для решения этой проблемы был предложен подход, о котором пойдет речь далее.

1.2.3. Интегративный подход

Бóльшая часть исследований этой третьей группы так или иначе опирается на понятие «жилищный путь» (housing pathway) и связанный с ним конструктивистский подход в жилищных исследованиях, который разрабатывается Д. Клэпемом [Clapham, 2002; Clapham, 2005; Clapham, 2012a], его последователями [Bates et al., 2020; McArthur, Stratford, 2020; Meeus, Decker, 2015; Stillerman, 2017] и авторами объяснительных моделей, призванных усовершенствовать его подход [Beer et al., 2011]. В рамках этого направления критике подвергаются подходы, фокусирующиеся на анализе государственной политики в сфере жилья, и неоклассический экономический подход к анализу рынка жилья [Clapham, 2002]. Первый не устраивает исследователей, так как никакие государственные решения не обладают прямым действием, они всегда опосредованы «отношением, восприятием и поведением других акторов» [Clapham, 2002: 57] и имеют непредсказуемые последствия, если не принимать это во внимание. Второй строится на крайне упрощенных предпосылках о человеческом поведении, которое сводится к модели экономической рациональности.

DOI: 10.14515/monitoring.2022.1.1857

Вместо этого представители такого подхода рассматривают структурные факторы, влияние разных жизненных событий и приписываемые жилью смыслы в совокупности, не отдавая предпочтение ничему из этого в отдельности. Неудивительно, что в результате часто получаются исследования со смешанным дизайном, где, например, количественные данные позволяют выделить наиболее распространенные жилищные пути, а качественные — представить те социальные категории, которые обычно не попадают в опросы, а также продемонстрировать смыслы, производимые в таких траекториях, и практики, с помощью которых траектории воплощаются в жизнь [Clapham et al., 2014]. Подобные исследования, конечно, не предполагают, что действующие на рынке жилья акторы обладают неограниченной агентностью — они все равно вынуждены считаться с обстоятельствами на рынке труда и в жилищной сфере, с текущей жилищной политикой и культурными нормами в отношении жилищной мобильности людей.

Кроме того, значение структуры для жилищного пути подчеркивается с помощью понятия «реификация», которое описывает «восприятия продуктов человеческой деятельности как чего-то совершенно от этого отличного, вроде природных явлений, следствий космических законов или проявлений божественной воли» [Бергер, Лукман, 1995: 146]. Такая логика хорошо работает в исследованиях жилья. Несмотря на то, что, например, социальные проблемы в этой области [Kemeny, Jacobs, Manzi, 1999] и государственная политика [Kemeny, Lowe, 1998] конструируются в процессе взаимодействия множества конкретных людей и их тоже можно считать проявлениями агентности, до горожанина они доходят в виде уже готовых структур, с которыми ему приходится так или иначе считаться. Поэтому принимать их во внимание при анализе жилищного пути — не значит полностью отказываться от точки зрения действующего. Как пишет об этом Д. Клэпем, «социальные конструктивисты должны будут признать, что социальные институты в определенных ситуациях могут реифицироваться, что делает более релевантным рассмотрение социальных фактов. Главное — это определить границы таких ситуаций во времени и пространстве» [Clapham, 2012a: 185].

Типичным примером эмпирического исследования в рамках этого подхода является анализ жилищных путей молодежи Великобритании [Clapham et al., 2014]. Оно удачно комбинирует качественные и количественные данные. Полуструктурированные интервью позволяют исследователям изучить жилищный опыт молодых людей, основные трудности, с которыми они сталкиваются, и их стремления. На основании этого авторы выделяют характерные для молодежи жилищные пути. Затем количественный кластерный анализ на лонгитюдных данных позволяет им оценить распространенность каждого из путей среди британской молодежи разных поколений. Качественные данные используются при этом для насыщенного описания получившихся траекторий и позволяют лучше понять опыт молодых людей, которым они присущи. Кроме того, на основании качественных данных исследователям удается сделать выводы о маргинализованных группах, не представленных в больших количественных исследованиях (бывших бездомных и нынешних получателях социального жилья), а также обнаружить траектории, которые оказываются за пределами возможностей кластерного анализа. Все выделенные жилищные пути молодых людей определяются как смыслами и стрем-

DOI: 10.14515/monitoring.2022.1.1857

лениями, так и ограничениями, накладываемыми рынком и жилищной системой. Такой анализ позволяет не только оценить текущее положение, но и дать прогноз на будущее (на основании рыночных и политических прогнозов) и сформулировать рекомендации для социальной политики в этой сфере.

Как видно из этого раздела, к настоящему моменту анализ жилищных траекторий представляет собой обширную область в международных исследованиях жилья и мобильности. Исследователи продолжают вести дебаты по поводу базовых понятий и их релевантности для изучения различных регионов и исторических периодов. Однако это не мешает формулировать и обсуждать общие вопросы, имеющие как научную, так и прикладную значимость. К таким вопросам относятся последствия либерализации и дерегуляции жилищной сферы, возникновение «поколения арендаторов», трансформация и локальные особенности межпоколенческого контракта, финансиализация жилищного сектора, связь все более разнообразных сценариев жизненного курса и жилищных биографий горожан. Сформировалось несколько методологических подходов, которые различаются между собой по тому, что лежит в основе их объяснительных моделей — структура или актор. При этом, как мы продемонстрировали, и структура, и актор могут быть по-разному концептуализированы.

То, принимается ли в расчет агентность людей (то есть способность относительно самостоятельно и рефлексивно действовать) и в какой мере, зависит от конкретных способов концептуализации. В структурных исследованиях агентность важна при анализе того, как жилищные траектории выстраиваются внутри системы семейных отношений или под воздействием доминирующих дискурсов о жилье (одним из ключевых трансляторов дискурса зачастую также является семья). В первом случае семья, состоящая из людей нескольких поколений, может становиться коллективным агентом жилищной траектории или, наоборот, агентность индивида формируется при отделении себя от семьи и построении жилищной траектории относительно самостоятельно. Во втором случае агентность проявляется в том, как человек рефлексирует ожидания, которые общество предъявляет к его жилищной траектории, и трансформирует эти ожидания (совладает с ними или противопоставляет им альтернативные сценарии), исходя из своих индивидуальных жизненных обстоятельств и позиции в социальной структуре. Акторно-ориентированные исследования могут быть основаны как на моделях, которые практически исключают агентность (например, модель жизненного цикла с предзаданными фазами), так и, напротив, концентрироваться на ней (например, исследования жилищной траектории как способа конструирования дома). В последнее десятилетие исследователи жилищных траекторий стремятся выработать интегративные подходы: авторы изучают разнообразные способы построения жилищной траектории, но учитывают возможности и ограничения агентности человека в зависимости от его социально-экономической позиции на той или иной стадии жизненного курса, а также институциональных и политических условий, специфичных для конкретного места и исторического периода.

Описав текущее состояние в поле международных исследований жилищных траекторий, мы перейдем к тому, какие проекты по схожим темам реализованы российскими учеными. Для того чтобы вписать российские исследования в между-

DOI: 10.14515/monitoring.2022.1.1857

народный контекст, мы использовали сходные принципы категоризации подходов и факторов, которые лежат в основе объяснительных моделей.

2. Российские исследования

Тема жилищной мобильности российскими исследователями затрагивается не так часто. Если в зарубежной традиции могут быть четко выделены ключевые авторы, специализирующиеся исключительно на ней и задающие направление международной дискуссии, российское поле исследований в этом плане выглядит еще недостаточно проработанным. На настоящий момент есть лишь небольшое число авторов, которые в процессе своей профессиональной карьеры так или иначе работали в этом тематическом направлении.

Среди тех, кто относительно систематически занимался жилищной мобильностью в России, можно выделить М. Старикову и ее коллег [Старикова, 2015; Старикова, 2018; Старикова, 2019; Старикова, Бушкова-Шиклина, 2019], фокусировавшихся на вопросах жилищного неравенства, социальной стратификации на примере разных региональных городов России; Е. Полухину и ее коллег [Полухина, 2019a; Полухина, 2019b; Полухина, Балакирева, Горяйнова, 2017], которые исследовали жилищную мобильность с точки зрения поколений и класса; Е. Варшавера и А. Рочеву [Варшавер и др., 2019; Варшавер и др., 2020a; Рочева, 2015; Рочева, Варшавер, 2020], занимающихся жилищной мобильностью иноэтничных мигрантов. Безусловно, на этом список исследователей не заканчивается, однако мы можем говорить уже скорее об их единичных проектах.

В российских исследованиях в этом тематическом поле можно встретить упоминание «переездов» [Полухина, Балакирева, Горяйнова, 2017], «жилищной мобильности» [Социальная мобильность в России…, 2017], «географических перемещений» [Стрельникова, 2014], «миграционных биографий» [Голенкова, Сушко, 2016], «расселения» — в случае переездов этнических мигрантов [Варшавер и др., 2019; Варшавер и др., 2020a]. Лишь в немногих работах используются такие понятия, как «жилищная карьера» или «карьерная траектория» [Рочева, 2015], «жизненная траектория» [Стрельникова, 2015], о близких к ним понятиях мы говорили в разделах с зарубежными исследованиями. Такой набор терминов продиктован превалирующим в поле российских исследований макровзглядом на переезды, который не позволяет интерпретировать смыслы жилищной мобильности с точки зрения действующего. Даже некоторые качественные исследования риторически придерживаются количественной логики и стремятся делать крупные обобщения, несмотря на не вполне подходящие для этого данные. Кроме того, в большинстве российских исследований жилищная мобильность изучается скорее не как цепочка взаимосвязанных событий, которые анализируются в широком контексте жизненного опыта, а как единовременные и оторванные друг от друга события. Тем не менее существующий массив исследований можно разделить на три основных направления.

2.1. Структурные трансформации в постсоветский период

Как и многие другие социально-экономические явления, жилищную мобильность в России принято анализировать в контексте происходящих структурных трансформаций. Она представляется результатом возникновения и развития

DOI: 10.14515/monitoring.2022.1.1857

новых институтов на рынке жилья. Российские исследователи прослеживают динамику участия населения в приватизации в начале постсоветского периода и то, какие факторы влияют на ее темп [Бессонова, Крапчан, 1994; Бессонова, 2011]. Анализируют, как происходит освоение механизма ипотеки[2] и как она влияет на возможности социальной мобильности [Климов, 2009] и какие возможности и риски с ней связаны [Тыканова, Хохлова, 2017]. Изучают, что значит быть квартиросъемщиком на российском жилищном рынке [Шомина, 2010]. Ряд исследований из этой категории имеет сравнительный межпоколенческий характер [Бурдяк, 2015; Стрельникова, 2014]. Некоторые из них сочетают и сравнительный и институциональный компоненты. К примеру, А. Долгова и Е. Митрофанова показали, что внутри разных поколений, начиная с советского периода до настоящего времени, в связи с изменением институциональных условий возраст переезда из родительского дома постепенно увеличивается, а причины переезда становятся более дифференцированными [Долгова, Митрофанова, 2015].

2.2. Мобильность в системе социальной стратификации и неравенства

Жилищная мобильность в российских исследованиях также довольно часто рассматривается как часть социальной мобильности. Такие исследования, как правило, выполнены с опорой на теорию П. Бурдье [Полухина, 2019a; Полухина, 2019b; Полухина, 2017; Социальная мобильность в России…, 2017; Социальная мобильность в усложняющемся обществе…, 2019], при этом жилье рассматривается в них как часть экономического капитала и объективированное выражение социального статуса человека. Оно используется для «реализации социального и в конечном счете трудового потенциала личности, способного обеспечить выход на более высокую ступень материального благосостояния» [Айзинова, 2007: 115], служит основой «нефинансового богатства» [Черкашина, 2018: 78], важной составляющей социально-экономической стратификации [Корнев, 2005; Старикова, Бушкова-Шиклина, 2019] и объективированным выражением социальной мобильности [Социальная мобильность в России…, 2017: 225].

Жилищная мобильность иногда встраивается в логику движения внутри системы стратификации, где «восходящая» или «нисходящая» мобильность приводят к «успеху» или «стагнации» [Полухина, 2017; Стрельникова, 2014; Социальная мобильность в усложняющемся обществе…, 2019]. Это соотносится с подходом к жилищной мобильности как к карьере. Особый интерес в этой связи вызывает работа М. Стариковой [Старикова, 2019], где помимо объективных характеристик мобильности анализируются ожидания, оценки и способы нормализации жилищной ситуации, что позволяет увидеть смысловое измерение жилищной стратификации. С помощью этого она объясняет, почему жилищная мобильность происходит внутри одного «жилищного класса», а не в логике восходящей карьеры. В российском поле исследований встречаются примеры работ, в которых можно наблюдать некоторый баланс между структурным и акторным подходами. К таким исследованиям относятся работы Е. Варшавера, А. Рочевой и их коллег о резидент-

[2] Книга «Housing the New Russia» [Zavisca, 2012] — не менее важная работа для изучения становления рынка жилья в постсоветской России, она не была включена в настоящий раздел, так как мы рассматриваем здесь работы только российских авторов.

DOI: 10.14515/monitoring.2022.1.1857

ной мобильности этнических мигрантов в России. Несмотря на то, что резидентная мобильность иногда рассматривается ими в рамках общих миграционных траекторий и паттернов расселения, в ее анализ включаются и факторы, относящиеся к уровню самих действующих. Например, анализируется связь между моделью проживания и степенью привязанности мигранта к жилью или связь между выбором жилья и логикой повседневной мобильности мигрантов [Варшавер и др., 2019; Варшавер и др., 2020a; Варшавер и др., 2020b; Рочева, 2015].

Однако чаще всего преобладающий в российских исследованиях структурно-ориентированный подход оставляет за скобками прагматику и смысловое наполнение решений в жилищной сфере. Резидентная мобильность становится чередой переездов, а иммобильность рассматривается только как вынужденная мера. Так и остаются без ответа вопросы о том, кто и что участвует в формировании идеи о переезде, ее обдумывании и осуществлении, как происходит поиск нового жилья, как переживаются переезды или жизнь на одном месте. Человек представляется безучастным и лишенным агентности. Тем не менее такого рода исследования намечают общие тенденции и создают контекст для более глубокой проработки темы.

Стоит упомянуть еще несколько других важных текстов, которые не затрагивают напрямую тему жилищной мобильности, но могут быть полезны для будущих работ по этой теме. К таким работам можно отнести исследование неравенства на рынке жилья и состояния жилого фонда в регионах центральной России [Старикова, 2020], социально-пространственной сегрегации Москвы [Трущенко, 1994] и анализ изменений жилищных отношений в России с отдельным фокусом на группы квартиросъемщиков [Караваева, Черкашина, 2015].

2.3. Жизненный цикл, смыслы и эмоции

Акторно-ориентированные исследования жилищной мобильности в России пока менее распространены. Существующие работы, как правило, рассматривают жилищную мобильность индивидов через призму унифицированных этапов жизненного цикла: получения образования, создания семьи или выхода на пенсию [Голенкова, Сушко, 2016; Полухина, 2019a]. Первый переезд ассоциируется с началом самостоятельной жизни и получением образования, а следующий — со вступлением в брак и выходом на рынок труда [Голенкова, Сушко, 2016]. Проведенные гендерные сравнения связывают смену места жительства у мужчин-рабочих со службой в армии, периодами нестабильности в сфере занятости, образованием семьи и появлением детей. У женщин рабочего класса сепарация от родителей происходит в связи с замужеством, а вся дальнейшая мобильность развивается уже в составе новой семьи или, в случае развода, приводит к возвращению в родительский дом [Полухина, 2019a]. Стоит отметить, что иногда в подобных работах жизненный цикл рассматривается более гибко, что роднит эти интуиции с упоминавшейся выше концепцией жизненного курса. При этом на этапе работы с данными авторы все равно могут возвращаться к более детерминистскому пониманию роли биографии и жизненных событий для жилищной мобильности.

Примером немного более смысло-ориентированного подхода выступает работа М. Стариковой, где автор анализирует смыслы жилья среди людей старшего воз-

DOI: 10.14515/monitoring.2022.1.1857

раста и демонстрирует, как дом для них перестает быть показателем социального статуса [Старикова, 2015]. Эта работа важна также и как попытка понять систему распределения жилья в рамках структуры семейных отношений и межпоколенческого контракта в России. Кроме того, среди российских исследований есть по крайней мере одна работа, где жилищная мобильность становится поводом для реконструкции повседневных практик производства дома и переосмысление самого понятия дома [Бредникова, Ткач, 2010]. Такой фокус, при котором анализируются не только объективные характеристики, но и, например, формирование у человека «чувства дома», для российского поля исследований выглядит достаточно нетривиально, особенно на фоне подавляющего большинства структурно-ориентированных работ.

Итак, пользуясь классификацией, составленной на основе зарубежных исследований, в этом разделе мы выделили две основные группы российских статей в этой области: структурно- и акторно-ориентированные. Первая представлена работами о формировании и трансформации институтов, регулирующих рынок жилья в России, и исследованиями жилищной мобильности в контексте неравенства и социальной мобильности. Эти исследования, за редкими исключениями, не уделяют особого внимания смысловому содержанию переездов и лишают действующего на рынке жилья какой бы то ни было агентности, делая его полностью зависимым от структурных изменений и не пытаясь выстроить интегративный подход, который учитывал бы разные стороны жилищной мобильности.

В рамках второй, менее обширной группы исследований, которые уделяют большее внимание самим акторам, такие попытки встречаются тоже не слишком часто. Авторы скорее связывают мобильность с унифицированными стадиями жизненного цикла, либо, наоборот, детально рассматривают отдельные кейсы и особые группы, уделяя меньше внимания структурным факторам мобильности.

Такое состояние российского поля исследований мобильности делает особенно важным формирование методологии, которая позволяла бы рассматривать исследуемый феномен во всей полноте и сложности, не редуцируя его ни к одному из полюсов дихотомии «структура — актор». И если в зарубежной литературе мы уже увидели серьезные шаги в этом направлении, то в российском поле они только начинаются. В разделе ниже мы коротко рассмотрим, какой методический инструментарий исследований жилищной мобильности уже был разработан российскими и зарубежными исследователями.

3. Методика зарубежных и российских исследований

Наиболее распространенными остаются количественные исследования резидентной мобильности и траекторий. Это связано с тем, что в англоговорящих и европейских странах на постоянной или регулярной основе собирается более детальная, в сравнении с Россией, социально-экономическая статистика и проводятся масштабные количественные опросы, ценные не только своей массовостью и охватом населения, но и лонгитюдным характером. Данные, на которых основаны исследования жилищной мобильности, могут быть как первичными, так и вторичными, могут собираться государственными органами [Alkay, 2011], институтами [Abramsson, 2012] либо частными организациями [Sharp, Warner, 2018], либо напрямую самими исследователями.

DOI: 10.14515/monitoring.2022.1.1857

Несмотря на безусловные преимущества такого рода данных и их репрезентативность, у количественных исследований есть существенные недостатки. Наиболее развернуто последствия того, что жилищная мобильность исследовалась в основном количественно, были проанализированы в статье Э. Уинстенли [Winstanley, 2002]. В количественных исследованиях зачастую теряется комплексность субъекта (домохозяйства или отдельного человека), совершающего резидентную мобильность, игнорируется тот факт, что действия разных членов домохозяйства могут обуславливать друг друга. Кроме того, как уже было упомянуто выше, критике подвергается инструменталистское отношение количественных исследований к жилью, которое сводит его к месту проживания и оставляет за скобками его восприятие и переживание в качестве *дома* (home) — места, которому приписываются особые смыслы и которое играет важную роль в процессе построения идентичности.

В качественных исследованиях жилищной мобильности зачастую используются полуструктурированные и биографические интервью. Применяется также и этнографический метод, к примеру, Э. Уинстенли [Winstanley, 2002] и коллеги не только провели серию глубинных интервью, но и попросили информантов провести им экскурсию по дому и рассказать о важных вещах, которые у них хранятся. Такие прогулки исследователи записывали на видео. Интегративный подход требует стратегии смешанных методов [Clapham et al., 2014], причем в некоторых случаях даже дизайн анкеты предполагает использование как можно большего числа открытых вопросов [Mazanti, 2007].

К сожалению, в распоряжении российских социологов пока есть гораздо меньше лонгитюдных данных, а городская статистика гораздо менее подробна и доступна. Этот факт затрудняет исследование жилищной мобильности в динамике. Тем не менее некоторые базы данных все-таки есть. Исследователи по отдельности или в комбинации пользуются данными Росстата (статистикой о жилищном строительстве, приватизации, обеспеченности жильем [Бурдяк, 2015; Голенкова, Сушко, 2016; Черкашина, 2018]), общероссийского обследования «Человек, семья, общество» (для выявления обеспеченности и удовлетворенности жильем), РМЭЗ НИУ ВШЭ (для определения численности домохозяйств с разным жилищным статусом [Караваева, Черкашина, 2015]). Обращаются также к обследованию «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (для определения возраста сепарации от родителей в разных поколениях, факторов, влияющих на это и сопутствующие события [Долгова, Митрофанова, 2015]), а также к биографическим интервью, собранным в рамках проекта «Век социальной мобильности в России» [Полухина и др., 2017; Стрельникова, 2014, 2015]. Но есть и примеры проведения собственных количественных опросов [Бессонова, Крапчан, 1994; Рочева и Варшавер, 2020], а также комбинирования количественных и качественных данных [Полухина и др., 2017].

Несмотря на наличие качественных исследований, их авторам не всегда удается отойти от логики количественных выводов. Это выражается как в количественной риторике описания данных, так и в акценте на структурных факторах и институциональном контексте мобильности, в результате чего поле смыслов и изменчивость жилищных устремлений на протяжении жизни выпадают из поля

DOI: 10.14515/monitoring.2022.1.1857

внимания исследователей. В таких работах можно найти чрезмерные обобщения и деконтекстуализацию данных. Однако нельзя не признать, что в российском поле исследований жилищной мобильности также происходит движение в сторону интерпретативных и биографических подходов. Например, некоторые ученые в своих работах подчеркивают важность использования биографических методов, поскольку такой подход позволяет наблюдать за трансформациями выбора жилья, вписывать переезды в городскую мобильность человека, обращать внимание на повседневные события в его жизни [Стрельникова, 2014], а также учитывать индивидуальные и семейные события, которые могут быть взаимосвязаны с переездами [Голенкова, Сушко, 2016].

Заключение

Что нужно для дальнейшего развития исследований жилищных траекторий в России? Как можно заключить из предыдущего раздела, для этого необходимо нарабатывать базу количественных лонгитюдных, а также качественных биографических данных по разным городам и поколениям их жителей. Однако это представляется нам необходимым, но отнюдь не достаточным условием для реализации такой задачи. Серьезная проработка темы предполагает также сдвиг в доминирующем подходе к городским исследованиям, который существует сегодня в российских социальных науках. Для исследования жилищных траекторий требуется переключить внимание с городских пространств и локализованных городских сообществ на движение людей сквозь эти пространства. Движение не повседневное, о котором мы привыкли думать, представляя себе динамичный современный город, а биографическое (хотя вопрос о связи между повседневной и жилищной мобильностями тоже крайне интересен). Нужно учиться видеть городскую темпоральность, которая задается не властями и архитекторами, а пересечением миллионов биографий тех, кто всю жизнь или, напротив, совсем недолго живет в этих городах. Жилищные траектории — это нити, которые сшивают городскую среду, городскую политику и повседневную жизнь горожан.

С одной стороны, кажется очевидным, что российские исследования жилищной мобильности должны быть лучше интегрированы в международную научную дискуссию. Они крайне выиграют, если для анализа местных данных будет использоваться концептуальный и методологический аппарат, который за последние несколько десятилетий довольно заметно эволюционировал и обогатился. Помимо методов анализа и теоретических ресурсов для интерпретации данных он предлагает набор уже сформулированных базовых эмпирических вопросов, ответы на которые были получены применительно к другим странам, но практически не задавались в России. Кроме того, это позволило бы сравнить местную ситуацию с данными по другим странам и на основе этого более взвешенно оценить проблемы и перспективы развития жилищных отношений.

С другой стороны, не стоит думать о подобной интеграции как об однонаправленном процессе и о «догоняющем развитии» в очередной области науки. Нам представляется, что кейс российских жилищных траекторий в целом может оказаться особенно ценным для международного поля городских исследований, поскольку он дает свежий материал для более глубокого понимания наиболее острых вопро-

DOI: 10.14515/monitoring.2022.1.1857

сов, которые на данный момент интересуют как исследователей, так и практиков в сфере жилищной и социальной политик. В частности, российская ситуация крайне показательна для анализа глобальных процессов стремительной финансиализации жилья, предельного сокращения социальной аренды и развития неформальной экономики в сфере жилищных отношений. Здесь, как и в странах Глобального Юга и Южной Европы, жилье является частью распределенного капитала в рамках сети расширенных семейных отношений, что потенциально помещает Россию в ряд стран с фамилистской жилищной системой — пока наименее исследованной и потому представляющей особый интерес. Наконец, в силу постсоветских трансформаций российские жилищные траектории демонстрируют ярко выраженную поколенческую динамику. Таким образом, исследование жилищных траекторий на материале российских городов позволит продвинуть актуальную теоретическую дискуссию и предложит новый взгляд на глобальные вопросы, связанные с жильем.

Список литературы (References)

Айзинова И. «Жилищный вопрос» в трех измерениях // Проблемы прогнозирования. 2007. № 2. С. 90—115.
Aizinova I. (2007) “Housing Question” in Three Dimensions. *Studies on Russian Economic Development*. No. 2. P. 90—115. (In Russ.)

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медум, 1995.
Berger P., Lukman T. (1995) The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. Moscow: Medium. (In Russ.)

Бессонова О. Результаты трансформации советской жилищной модели // Экономическая социология. 2011. Т. 12. № 5. С. 14—28.
Bessonova O. Outcomes of Transformation of the Soviet Housing Model. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 12. No. 5. P. 14—28. (In Russ.)

Бессонова О., Крапчан С. Участие населения в приватизации жилья // Социологические исследования. 1994. Т. 8—9. С. 27—40.
Bessonova O., Krapchan S. (1994) Participation of the Population in Housing Privatization. *Sociological Studies*. Vol. 8—9. P. 27—40. (In Russ.)

Бредникова О., Ткач О. Дом для номады // Laboratorium. 2010. № 3. С. 72—95.
Brednikova O., Tkach O. (2010) What Home Means to the Nomad. *Laboratorium.* Vol. 2. No. 3. P. 188—194. (In Russ.)

Бурдяк А. Обеспеченность жильем в постсоветской России: неравенство и проблема поколений // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 2. С. 273—288.
Burdyak A. (2015) Housing in Post-Soviet Russia: Inequality and the Problem of Generation. *The Journal of Social Policy Studies.* Vol. 13. No. 2. P. 273—288. (In Russ.)

Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н., Андреева А. Расселение мигрантов в глобальных городах и его детерминанты: Париж, Сингапур, Сидней и Москва в сравнении.

Часть I // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 479—504. https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.25.
Varshaver E., Rocheva A., Ivanova N., Andreeva A. (2019) Migrants' Settlement Patterns in Global Cities and Their Determinants: Paris, Singapore, Sydney and Moscow. Part I. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 479—504. https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.25. (In Russ.)

Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н., Андреева А. Расселение мигрантов в глобальных городах и его детерминанты: Париж, Сингапур, Сидней и Москва в сравнении. Часть II // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020a. № 2. С. 457—485. https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.1640.
Varshaver E., Rocheva A., Ivanova N., Andreeva A. (2020a) Migrants' Settlement Patterns in Global Cities and Their Determinants: Paris, Singapore, Sydney and Moscow. Part II. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 457—485. https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.1640. (In Russ.)

Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н., Ермакова М. Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? // Социологическое обозрение. 2020b. Т. 19. № 2. С. 225—253. https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-2-225-253.
Varshaver E., Rocheva A., Ivanova N., Ermakova M. (2020b) Residential Concentrations of Migrants in Russian Cities: Is There a Pattern? *Russian Sociological Review*. Vol. 19. No. 2. P. 225—253. https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-2-225-253. (In Russ.)

Голенкова З., Сушко П. Социальная мобильность в контексте миграционных биографий россиян // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 95—104.
Golenkova Z. T., Sushko P. E. (2016) Social Mobility in the Context of Migration Biographies of Russians. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. 2016. No. 12. P. 95—104. (In Russ.)

Долгова А., Митрофанова Е. Отделение от родительской семьи в России: межпоколенческий аспект // Экономическая социология. 2015. Т. 16. № 5. С. 46—76.
Dolgova A., Mitrofanova E. (2015) Leaving the Parental Home in Russia: Intergenerational Aspects. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 16. No. 5. P. 46—76. (In Russ.)

Зорбо Х. У. Золотой Берег и трущобы (избранные главы) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология. 2004. № 3—4. С. 115—154.
Zorbaugh H. W. (2004) The Golden Coast and The Slum (Selected Chapters). *Social and Humanitarian Sciences. National and Foreign Literature. Vol. 11 Sociology.* No. 3—4. P. 115—154.

Караваева Е., Черкашина Т. Жилищные отношения, политика и условия // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2015. № 6. С. 118—135. https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.6.07.
Karavaeva E., Cherkashina T. (2015) Housing Relations, Policies and Conditions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 118—135. https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.6.07. (In Russ.)

Климов И. Ипотечные заемщики: повседневные практики восходящей мобильности // Социологический журнал. 2009. № 4. С. 104—136.
Klimov, I. A. (2009). Mortgage Borrowers: Everyday Practices of Rising Mobility. *Sotsiologicheskiy Zhurnal [Sociological Journal]*. No. 4. P. 104—136. (In Russ.)

Полухина Е. Жилищная мобильность рабочих в постсоветской России // Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В. А. Ядова). Международная научная конференция (Москва, 28—30 ноября 2019 г.). Сборник материалов / под ред. М. Горшков. М.: ФНИСЦ РАН, 2019a. С. 662—669. https://doi.org/10.19181/yadov_conf.2019.
Polukhina E. (2019a) Housing Mobility of Workers in Postsoviet Russia. In: The Future of the Sociological Knowledge and Challenges of Social Transformations. International Scientific Conference. P. 662—669. https://doi.org/10.19181/yadov_conf.2019. (In Russ.)

Полухина Е. Паттерны жилищной мобильности белых и синих воротничков // Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты / под ред. Н. Коленникова, Е. Полухина, Е. Рождественская. М.: ФНИСЦ РАН, 2019b. С. 442—456.
Polukhina E. (2019b) Patterns of Housing Mobility of White and Blue Collars. In: Kolennikova N., Polukhina E., Rozhdestvenskaya E. (eds.) *Social Mobility in Complex Society: Objective and Social Aspects*. Moscow: FNISC RAN. P. 442—456. (In Russ.)

Полухина Е., Балакирева М., Горяйнова А. Переезды внутри Москвы: как тип домохозяйства и стиль жизни предопределяет выбор места жительства // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2017. Т. 9. № 13. С. 82—95.
Polukhina E. V., Balakireva M. S., Goriainova A. R. (2017) Intraurban Movings in Moscow: How the Type of Household and Lifestyle Determine a Place of Residence. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 9. No. 13. P. 82—95. (In Russ.)

Полухина Е. Жилищная мобильность: направления социологического анализа // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 4. С. 589—602. https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-4-589-602.
Polukhina E. V. (2017). Housing Mobility: Approaches for Sociological Analysis. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 15. No. 4. P. 589—602. https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-4-589-602. (In Russ.)

Рочева А. Исследование позиций «карьеры квартиросъемщика» и моделей проживания в Москве мигрантов из Киргизии и Узбекистана // Социологический журнал. 2015. Т. 21. № 2. С. 31—50. https://doi.org/10.19181/socjour.2015.21.2.1319.
Rocheva A. L. (2015) Research of “Tenant Career” Positions and Housing Models of Migrants from Kyrgyzstan and Uzbekistan in Moscow. *Sotsiologicheskiy Zhurnal [Sociological Journal]*. Vol. 21. No. 2. P. 31—50. https://doi.org/10.19181/socjour.2015.21.2.1319. (In Russ.)

Рочева А., Варшавер Е. Миграционные намерения молодежи с миграционным бэкграундом и без: российский случай // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 295—334. https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1632.

Rocheva A. L., Varshaver E. A. (2020) Migration Intentions of Youth with and without Migrant Backgrounds: a Russian Case. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 295—334. https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1632. (In Russ.)

Социальная мобильность в России: поколенческий аспект / под ред. В. В. Семенова, М. Ф. Черныш, А. Ваньке. М. : ФНИСЦ РАН, 2017.
Semyonova V., Chernysh M., Vanke A. 2017 Social Mobility in Russian: Generational Aspect. Moscow: FNISC RAN. (In Russ.)

Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты / под ред. В. В. Семеновой, М. Ф. Черныша, П. Е. Сушко. М. : ФНИСЦ РАН, 2019.
Semyonova V., Chernysh M., Sushko P. (2019) Social Mobility in Complex Society: Objective and Subjective Aspects. Moscow: FNISC RAN. (In Russ.)

Старикова М. Жилищная идентификация горожан как отражение жилищного неравенства (на примере трех городов Кировской области) // Социология и Социальные технологии. 2019. Т. 18. № 2. С. 119—133. https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.2.11.
Starikova M. (2019) Housing Identification of Citizens as a Reflection of Housing Inequality (Based on Three Cities of Kirov Region). *Sociology and Social Technologies.* Vol. 18. No. 2. P. 119—133. https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.2.11. (In Russ.)

Старикова М. Жилищное неравенство в городах как форма социального расслоения: критерии выделения жилищных классов и страт // Урбанистика. 2018. № 3. С. 71—98. https://doi.org/10.7256/2310-8673.2018.3.27955.
Starikova M. (2018) Housing Inequality in Cities as a Form of Social Stratification: Criteria for Distinction of Housing Classes and Strata. *Urban Studies.* № 3. P. 71—98. https://doi.org/10.7256/2310-8673.2018.3.27955. (In Russ.)

Старикова М. Жилищный вопрос в межпоколенном контракте // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2015. № 6. С. 105—117. https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.6.06.
Starikova M. (2015) Housing Issue in Intergenerational Contract. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 105—117. https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.6.06. (In Russ.)

Старикова М. Рынок жилья как отражение жилищной стратификации городов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 403—429. https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.924.
Starikova M. (2020) Housing Market as a Reflection of Urban Housing Stratification. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 403—429. https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.924. (In Russ.)

Старикова М., Бушкова-Шиклина Э. Жилищное неравенство населения как отражение социальной стратификации (на примере трех городов Кировской области) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. № 4. С. 594—609. https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-4-594-609.

Starikova M., Bushkova-Shiklina E. (2019) Housing Inequality of the Population as a Reflection of Social Stratification (A Case Study of Three Cities in the Kirov Region). *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Filosofia. Psikhologiya. Sotsiologiya.* № 4. P. 594—609. https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-4-594-609. (In Russ.)

Стрельникова А. Перемещения в пространственных координатах: больше, чем географическая мобильность // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2014. Т. 6. № 8. С. 30—35.
Strelnikova A. (2014) The Displacement in Spatial Coordinates, Geographical Mobility. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 6. No. 8. P. 30—35. (In Russ.)

Стрельникова А. Пространственные проекции социальной мобильности: переезды как доминантные события биографического повествования // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2015. Т. 7. № 10. С. 39—46.
Strelnikova A. (2015) Social Mobility and Its Spatial Projections: Moving as Significant Event in The Biographical Narration. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 7. No. 10. P. 39—46. (In Russ.)

Трущенко О. Престижный адрес: социально-пространственная сегрегация в Москве // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 120—126.
Trushenko O. (1994) Prestigious Address: Socio-Spatial Segregation in Moscow. *Sotsiologicheskiy Zhurnal [Sociological Journal].* No. 4. P. 120—126. (In Russ.)

Тыканова Е. В., Хохлова А. М. Ипотечное кредитование в Санкт-Петербурге в условиях нестабильного рынка труда // Материалы IX социологических чтений памяти Валерия Борисовича Голофаста «Социальные и пространственные измерения современного мегаполиса». СПб.: Норма, 2017. С. 207—213.
Tykanova E. V., Khohlova A. M. (2017) Mortgage Lending in St. Petersburg in an Unstable Labour Market. In: *Proceedings of the IX Sociological Readings in Memory of Valery Borisovich Golofast 'Social and Spatial Dimensions of the Modern Megacity'*. Saint Petersburg: Norma. (In Russ.)

Черкашина Т. Жилищная дифференциация в постсоветской России: институциональный и экономический контекст динамики жилищных групп // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2018. № 3. С. 60—81. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-3-60-81.
Cherkashina T. (2018) Housing Differentiation in Postsoviet Russia: Institutional and Economical Context of Housing Groups Dynamics. *All-Russian Economic Journal ECO*. No. 3. P. 60—81. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-3-60-81. (In Russ.)

Шомина Е. Квартиросъемщики — наше «жилищное меньшинство»: Российский и зарубежный опыт развития арендного жилья. М.: Издательство Государственного университета Высшей школы экономики, 2010.
Shomina E. (2011) Tenants Are Our "Housing Minority": Russian and Foreign Experience of Rental Housing Development. Moscow: State University Higher School of Economics Publishing Press. (In Russ.)

Abramsson M., Andersson E. K. (2012) Residential Mobility Patterns of Elderly-Leaving the House for an Apartment. *Housing Studies*. Vol. 27. No. 5. P. 582—604. https://doi.org/10.1080/02673037.2012.697553.

Aigner A. (2019) Housing Entry Pathways of Refugees in Vienna, a City of Social Housing. *Housing Studies*. Vol. 34. No. 5. P. 779—803. https://doi.org/10.1080/02673037.2018.1485882.

Albertini M., Kohli M. (2013) The Generational Contract in the Family: An Analysis of Transfer Regimes in Europe. *European Sociological Review*. Vol. 29. No. 4. P. 828—840. https://doi.org/10.1093/esr/jcs061.

Aliu I. R. (2019) Unpacking the Dynamics of Intra-Urban Residential Mobility in Nigerian Cities: Analysis of Low-Income Families in Ojo Lagos. *Cities*. Vol. 85. P. 63—71. https://doi.org/10.1016/j.cities.2018.12.005.

Alkay E. (2011) The Residential Mobility Pattern in the Istanbul Metropolitan Area. *Housing Studies*. Vol. 26. No. 4. P. 521—539. https://doi.org/10.1080/02673037.2011.559752.

Arbaci S. (2019) Paradoxes of Segregation: Housing Systems, Welfare Regimes and Ethnic Residential Change in Southern European Cities. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.

Arundel R., Lennartz C. (2017) Returning to the Parental Home: Boomerang Moves of Younger Adults and the Welfare Regime Context. *Journal of European Social Policy*. Vol. 27. No. 3. P. 276—294. https://doi.org/10.1177/0958928716684315.

Bates L. Kearns R., Coleman T., Wiles J. (2020) 'You Can't Put Your Roots down': Housing Pathways, Rental Tenure and Precarity in Older Age. *Housing Studies*. Vol. 35. No. 8. P. 1442—1467. https://doi.org/10.1080/02673037.2019.1673323.

Beer A., Faulkner D., Paris C., Clower T. (2011) Housing Transitions through the Life Course: Aspirations, Needs and Policy. Bristol: Bristol University Press.

Benson M., Jackson E. (2017) Making the Middle Classes on Shifting Ground? Residential Status, Performativity and Middle-Class Subjectivities in Contemporary London. *British Journal of Sociology*. Vol. 68. No. 2. P. 215—233. https://doi.org/10.1111/1468-4446.12256.

Brown T., King P. (2005) The Power to Choose: Effective Choice and Housing Policy. *European Journal of Housing Policy*. Vol. 5. No. 1. P. 59—97. https://doi.org/10.1080/14616710500055729.

Clapham D. (2002) Housing Pathways: A Post Modern Analytical Framework. *Housing, Theory and Society*. Vol. 19. No. 2. P. 57—68. https://doi.org/10.1080/140360902760385565.

Clapham D. (2003) Pathways Approaches to Homelessness Research. *Journal of Community and Applied Social Psychology*. Vol. 13. No. 2. P. 119—127. https://doi.org/10.1002/casp.717.

Clapham D. (2005) The Meaning of Housing: A Pathways Approach. Portland: Bristol University Press.

Clapham D. (2012a) Social Constructionism and Beyond in Housing Research. In: Clapham D. F., Clark W. A. V., Gibb K. *The SAGE Handbook of Housing Studies*. London: SAGE. P. 174—187.

Clapham D. (2012b) Structure and Agency. In: Smith S. J. (ed.) *International Encyclopedia of Housing and Home*. Elsevier. P. 34—38.

Clapham D., Mackie P., Orford S., Thomas I., Buckley K. (2014) The Housing Pathways of Young People in the UK. *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 46. No. 8. P. 2016—2031. https://doi.org/10.1068/a46273.

Clark W. (2012) Residential Mobility and the Housing Market. In Clapham D. F., Clark W. A. V., Gibb K. *The SAGE Handbook of Housing Studies*. London: SAGE. P. 66—83.

Clark W. A. V., Deurloo M. C., Dieleman F. M. (2003) Housing Careers in the United States, 1968—93: Modelling the Sequencing of Housing States. *Urban Studies*. Vol. 40. No. 1. P. 143—160. https://doi.org/10.1080/00420980220080211.

Colic-Peisker V., Johnson G. (2012) Liquid Life, Solid Homes: Young People, Class and Homeownership in Australia. *Sociology*. Vol. 46. No. 4. P. 728—743. https://doi.org/10.1177/0038038511428754.

Cook J. (2021) Keeping it in the Family: Understanding the Negotiation of Intergenerational Transfers for Entry into Homeownership. *Housing Studies*. Vol. 36. No. 8. P. 1193—1211. https://doi.org/10.1080/02673037.2020.1754347.

Coulter R. (2018) Parental Background and Housing Outcomes in Young Adulthood. *Housing Studies*. Vol. 33. No. 2. P. 201—223. https://doi.org/10.1080/02673037.2016.1208160.

Coulter R., van Ham M. (2013) Following People Through Time: An Analysis of Individual Residential Mobility Biographies. *Housing Studies*. Vol. 28. No. 7. P. 1037—1055. https://doi.org/10.1080/02673037.2013.783903.

Coulter R., van Ham M. Feijten P. (2011) A Longitudinal Analysis of Moving Desires, Expectations and Actual Moving Behaviour. *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 43. No. 11. P. 2742—2760. https://doi.org/10.1068/a44105.

Cui C. (2020) Housing Career Disparities in Urban China: A Comparison Between Skilled Migrants and Locals in Nanjing. *Urban Studies*. Vol. 57. No. 3. P. 546—562. https://doi.org/10.1177/0042098018800443.

Deurloo M. C., Clark W. A. V., Dieleman F. M. (1994) The Move to Housing Ownership in Temporal and Regional Contexts. *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 26. No. 11. P. 1659—1670. https://doi.org/10.1068/a261659.

Dewilde C., Ronald R. (2017) Housing Wealth and Welfare. Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar Pub.

Dol K., Boumeester H. (2018) Home Ownership under Changing Labour and Housing Market Conditions: Tenure Preferences and Outcomes among Freelancers and Flex Workers. *International Journal of Housing Policy*. Vol. 18. No. 3. P. 355—382. https://doi.org/10.1080/19491247.2017.1331594.

Druta O., Ronald R. (2018) Intergenerational Support for Autonomous Living in a Post-Socialist Housing Market: Homes, Meanings and Practices. *Housing Studies*. Vol. 33. No. 2. P. 299—316. https://doi.org/10.1080/02673037.2017.1280141.

Easthope H. (2004) A Place Called Home. *Housing, Theory and Society*. Vol. 21. No. 3. P. 128—138. https://doi.org/10.1080/14036090410021360.

Feijten P. (2005) Union Dissolution, Unemployment and Moving Out of Homeownership. *European Sociological Review*. Vol. 21. No. 1. P. 59—71. https://doi.org/10.1093/esr/jci004.

Feijten P. (2007) Life Events And The Housing Career: A Retrospective Analysis of Timed Effects. Delft: Eburon.

Feijten P., van Ham M. (2007) Residential Mobility and Migration of the Separated. *Demographic Research*. Vol. 17. No. 21. P. 623—654. https://doi.org/10.4054/demres.2007.17.21.

Feliciantonio C. D., Dagkouly-Kyriakoglou M. (2020) The Housing Pathways of Lesbian and Gay Youth and Intergenerational Family Relations: a Southern European Perspective. *Housing Studies*. https://doi.org/10.1080/02673037.2020.1807471.

Fikse E., Aalbers M. B. (2020) The Really Big Contradiction: Homeownership Discourses in Times of Financialization. *Housing Studies*. Vol. 36. No. 10. P. 1600—1617. https://doi.org/10.1080/02673037.2020.1784395.

Forrest R., Izuhara M. (2012) The Shaping of Housing Histories in Shanghai. *Housing Studies*. Vol. 27. No. 1. P. 27—44. https://doi.org/10.1080/02673037.2012.629292.

Forrest R., Murie A. (1987) The Affluent Home Owner: Labour Market Position and the Shaping of Housing Histories. *Sociological Review*. Vol. 35. No. 2. P. 370—403. https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.1987.tb00014.x.

Green A. (2017) Wealth and Welfare: Breaking the Generational Contract. In. Green A. *The Crisis for Young People: Generational Inequalities in Education, Work, Housing and Welfare*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 79—86.

Gurney C. M. (1999) Pride and Prejudice: Discourses of Normalisation in Public and Private Accounts of Home Ownership. *Housing Studies*. Vol. 14. No. 2. P. 163—183. https://doi.org/10.1080/02673039982902.

Gutting D. (1996) Narrative Identity and Residential History. *Area*. Vol. 28. No. 4. P. 482—490. URL: http://www.jstor.org/stable/20003733 (accessed: 03.03.2022).

Hamzah H., Adnan N. (2016) The Meaning of Home and Its Implications on Alternative Tenures: A Malaysian Perspective. *Housing, Theory and Society*. Vol. 33. No. 3. P. 305—323. https://doi.org/10.1080/14036096.2016.1143025.

Hastings A. (2000) Discourse Analysis: What Does it Offer Housing Studies? *Housing, Theory and Society*. Vol. 17. No. 3. P. 131—139. https://doi.org/10.1080/14036090051084441.

Heath S. (2018) Siblings, Fairness and Parental Support for Housing in the UK. *Housing Studies*. Vol. 33. No. 2. P. 284—298. https://doi.org/10.1080/02673037.2017.1291914.

Hiscock R., Kearns A., MacIntyre S., Ellaway A. (2001) Ontological Security and Psycho-Social Benefits from the Home: Qualitative Evidence on Issues of Tenure. *Housing, Theory and Society*. Vol. 18. No. 1—2. P. 50—66. https://doi.org/10.1080/14036090120617.

Hoolachan J., McKee K. (2018) Inter-Generational Housing Inequalities: 'Baby Boomers' Versus the 'Millennials'. *Urban Studies*. Vol. 56. No. 1. P. 210—225. https://doi.org/10.1177/0042098018775363.

Isengard B., König R., Szydlik M. (2018) Money or Space? Intergenerational Transfers in a Comparative Perspective. *Housing Studies*. Vol. 33. No. 2. P. 178—200. https://doi.org/10.1080/02673037.2017.1365823.

Kemeny J. (2001) Comparative Housing and Welfare: Theorising the Relationship. *Journal of Housing and the Built Environment*. Vol. 16. No. 1. P. 53—70. https://doi.org/10.1023/A:1011526416064.

Kemeny J., Jacobs K., Manzi T. (1999) The Struggle to Define Homelessness: a Constructivist Approach. *Homelessness: Public Policies and Private Troubles*. London: Cassell. P. 390—399.

Kemeny J., Lowe S. (1998) Schools of Comparative Housing Research: From Convergence to Divergence. *Housing Studies*. Vol. 13. No. 2. P. 161—176. https://doi.org/10.1080/02673039883380.

Kemp P. A., Crook T. (2011) Transforming Private Landlords: Housing, Markets and Public Policy. Oxford: Wiley-Blackwell.

Knight D. (2002) The Biographical Narratives and Meanings of Home of Private Tenants. Unpublished PhD Thesis. University of Wales.

Köppe S. (2017) Britain's New Housing Precariat: Housing Wealth Pathways out of Homeownership. *International Journal of Housing Policy*. Vol. 17. No. 2. P. 177—200. https://doi.org/10.1080/14616718.2016.1185286.

Köppe S. (2018) Passing it on: Inheritance, Coresidence and the Influence of Parental Support on Homeownership and Housing Pathways. *Housing Studies*. Vol. 33. No. 2. P. 224—246. https://doi.org/10.1080/02673037.2017.1408778.

Lennartz C., Helbrecht I. (2018) The Housing Careers of Younger Adults and Intergenerational Support in Germany's 'Society of Renters'. *Housing Studies*. Vol. 33. No. 2. P. 317—336. https://doi.org/10.1080/02673037.2017.1338674.

Leslie G. R., Richardson A. H. (1961) Life-Cycle, Career Pattern, and the Decision to Move. *American Sociological Review*. Vol. 26. No. 6. P. 894—902. https://doi.org/10.2307/2090574.

Levy D., Murphy L., Lee C. K. C. (2008) Influences and Emotions: Exploring Family Decision-making Processes when Buying a House. *Housing Studies*. Vol. 23. No. 2. P. 271—289. https://doi.org/10.1080/02673030801893164.

Li S., Mao S. (2019) The Spatial Pattern of Residential Mobility in Guangzhou, China. *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 43. No. 5. P. 963—982. https://doi.org/10.1111/1468-2427.12625.

Lowe S. (2011) The Housing Debate. Portland: Bristol University Press.

Mandič S., Mrzel M. (2017) Home Ownership in Post-socialist Countries: The Negative Impact of the Transition Period on Old-Age Welfare. In: Dewilde C., Cheltenham R. R. (eds.) *Housing Wealth and Welfare*. Northampton, MA: Edward Elgar Publishing.

Mazanti B. (2007) Choosing Residence, Community and Neighbours: Theorizing Families' Motives for Moving. *Geografiska Annaler*: *Series B, Human Geography*. Vol. 89. No. 1. P. 53—68. https://doi.org/10.1111/j.1468-0467.2007.00239.

Maslova S., King R. (2020) Residential Trajectories of High-Skilled Transnational Migrants in a Global City: Exploring the Housing Choices of Russian and Italian Professionals in London. *Cities*. Vol. 96. 102421. https://doi.org/10.1016/j.cities.2019.102421.

McArthur M., Stratford E. (2021) Housing Aspirations, Pathways, and Provision: Contradictions and Compromises in Pursuit of Voluntary Simplicity. *Housing Studies*. Vol. 36. No. 5. P. 714—736. https://doi.org/10.1080/02673037.2020.1720614.

McKee K. (2012) Young People, Homeownership and Future Welfare. *Housing Studies*. Vol. 27. No. 6. P. 853—862. https://doi.org/10.1080/02673037.2012.714463.

McKee K., Moore T., Soaita A., Crawford J. (2017) 'Generation Rent' and The Fallacy of Choice. *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 41. No. 2. P. 318—333. https://doi.org/10.1111/1468-2427.12445.

McKee K., Soaita A. M., Hoolachan J. (2020) 'Generation Rent' and the Emotions of Private Renting: Self-Worth, Status and Insecurity Amongst Low-Income Renters. *Housing Studies*. Vol. 35. No. 8. P. 1468—1487. https://doi.org/10.1080/02673037.2019.1676400.

Meeus B., Decker P. D. (2015) Staying Put! A Housing Pathway Analysis of Residential Stability in Belgium. *Housing Studies*. Vol. 30. No. 7. P. 1116—1134. https://doi.org/10.1080/02673037.2015.1008424.

Metcalfe A. (2006) 'It Was the Right Time To Do It': Moving House, the Life-Course and Kairos. *Mobilities*. Vol. 1. No. 2. P. 243—260. https://doi.org/10.1080/17450100600726621.

Morrow-Jones H. A., Wenning M. V. (2005) The Housing Ladder, the Housing Life-cycle and the Housing Life-course: Upward and Downward Movement among Repeat Home-buyers in a US Metropolitan Housing Market. *Urban Studies*. Vol. 42. No. 10. P. 1739—1754. https://doi.org/10.1080/00420980500231647.

Mulder C. H., Hooimeijer P. (1999) Residential Relocations in the Life Course. In: van Wissen L. J., Dordrecht G. (eds.) *Population Issues: An Interdisciplinary Focus The Plenum Series on Demographic Methods and Population Analysis*. Springer Netherlands. P. 159—186.

Mulder C., Manting D. (1994) Strategies of Nest-Leavers: 'Settling Down' Versus Flexibility. *European Sociological Review*. Vol. 2. No. 10. P. 155—172. https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.esr.a036327.

Özüekren A. S., van Kempen R. (2002) Housing Careers of Minority Ethnic Groups: Experiences, Explanations and Prospects. *Housing Studies*. Vol. 17. No. 3. P. 365—379. https://doi.org/10.1080/02673030220134908.

Paris C., Clower T., Beer A., Faulkner D. (2011) Housing transitions and housing policy: international context and policy transfer. Im Beer A., Faulkner D., Paris C., Clower T. *Housing Transitions through the Life Course*. Portland: Bristol University Press, P. 39—60. https://doi.org/10.1332/policypress/9781847424280.001.0001.

Parsell C. (2012) Home is Where the House Is: The Meaning of Home for People Sleeping Rough. *Housing Studies*. Vol. 27. No. 2. P. 159—173. https://doi.org/10.1016/j.tra.2017.06.006.

Parsell C., Parsell M. (2012) Homelessness as a Choice. *Housing, Theory and Society*. Vol. 29. No. 4. P. 420—434. https://doi.org/10.1080/14036096.2012.667834.

Payne J., Payne G. (1977) Housing Pathways and Stratification: A Study of Life Chances in the Housing Market. *Journal of Social Policy*. Vol. 6. No. 2. P. 129—156. https://doi.org/10.1017/S0047279400005158.

Pickvance C. G. (1974) Life Cycle, Housing Tenure and Residential Mobility: a Path Analytic Approach. *Urban Studies*. 1974. Vol. 11. No. 2. P. 171—188. URL: https://www.jstor.org/stable/43080779 (accessed: 03.03.2022).

Power E. R. (2017) Renting with Pets: A Pathway to Housing Insecurity? *Housing Studies*. Vol. 32. No. 3. P. 336—360. https://doi.org/10.1080/02673037.2016.1210095.

Preece J., Crawford J., McKee K., Flint J., Robinson D. (2020) Understanding Changing Housing Aspirations: A Review of the Evidence. *Housing Studies*. Vol. 35. No. 1. P. 87—106. https://doi.org/10.1080/02673037.2019.1584665.

Raco M. (2009) From Expectations to Aspirations: State Modernisation, Urban Policy, and the Existential Politics of Welfare in the UK. *Political Geography*. Vol. 28. No. 7. P. 436—444. https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2009.10.009.

Raco M. (2012) Neoliberal Urban Policy, Aspirational Citizenship and the Uses of Cultural Distinction, In Tasan-Kok T., G. Baeten. *Contradictions of Neoliberal Planning: Cities, Policies, and Politics*. GeoJournal Library. Dordrecht: Springer Netherlands. P. 43—59. https://doi.org/10.1007/978-90-481-8924-3_3.

Ronald R. (2008) The Ideology of Home Ownership: Homeowner Societies and the Role of Housing. Basingstoke; New York, NY: Palgrave Macmillan.

Ronald R., Lennartz C. (2018) Housing Careers, Intergenerational Support and Family Relations. *Housing Studies*. Vol. 33. No. 2. P. 147—159. https://doi.org/10.1080/02673037.2017.1416070.

Rosen E. (2017) Horizontal Immobility: How Narratives of Neighborhood Violence Shape Residential Decisions. *American Sociological Review*. Vol. 82. No. 270—296. https://doi.org/10.1177/0003122417695841.

Sharp G., Warner C. (2018) Neighborhood Structure, Community Social Organization, and Residential Mobility. *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*. Vol. 4. https://doi.org/10.1177/2378023118797861.

Saunders P. (1989) The Meaning of 'Home' in Contemporary English Culture. *Housing Studies*. Vol. 4. No. 3. P. 177—192. https://doi.org/10.1332/030557303765371663.

Shuttleworth I., Cooke T., Champion T. (2019) Why Did Fewer People Change Address in England and Wales in the 2000s than in the 1970s? Evidence from an Analysis of the ONS Longitudinal Study: Why Did Fewer People Change Address in the 2000s than in the 1970s? *Population, Space and Place*. Vol. 25. No. 2. 2167. https://doi.org/10.1002/psp.2167.

Smith A. (2017) Exploring the Interrelationship between the Meanings of Homeownership and Identity Management in a Liquid Society: A Case Study Approach. Unpublished PhD Thesis. URL: https://ethos.bl.uk/OrderDetails.do?uin=uk.bl.ethos.733266 (accessed: 07.01.2021).

Stephens M., Leishman C. (2017) Housing and Poverty: A Longitudinal Analysis. *Housing Studies*. Vol. 32. No. 8. P. 1039—1061. https://doi.org/10.1080/02673037.2017.1291913.

Stillerman J. (2017) Housing Pathways, Elective Belonging, and Family Ties in Middle Class Chileans' Housing Choices. *Poetics*. Vol. 61. P. 67—78. https://doi.org/10.1016/j.poetic.2017.01.005.

van Ham M. (2012) Housing Behaviour. In: Clapham D. F., Clark W. A.V., Gibb K. (eds.) *The SAGE Handbook of Housing Studies*. London: SAGE. P. 47—65.

Vogiazides L., Chihaya G. K. (2020) Migrants' Long-Term Residential Trajectories in Sweden: Persistent Neighbourhood Deprivation or Spatial Assimilation? *Housing Studies*. Vol. 35. No. 5. P. 875—902. https://doi.org/10.1080/02673037.2019.1636937.

Wang R., Walter R., Arafat A., Song S. (2019) Understanding the Role of Life Events on Residential Mobility for Low-Income, Subsidised Households. *Urban Studies*. Vol. 56. No. 8. P. 1628—1646. https://doi.org/10.1177/0042098018771795.

Wind B., Hedman L. (2017) The Uneven Distribution of Capital Gains in Times of Socio-Spatial Inequality: Evidence from Swedish Housing Pathways Between 1995 and 2010. *Urban Studies*. Vol. 55. No. 12. P. 2721—2742. https://doi.org/10.1177/0042098017730520.

DOI: 10.14515/monitoring.2022.1.1857

Winstanley A., Thorns D. C., Perkins H. C. (2002) Moving House, Creating Home: Exploring Residential Mobility. *Housing Studies*. Vol. 17. No. 6. P. 813—832. https://doi.org/10.1080/02673030216000.

Zavisca J. R. (2012) Housing the New Russia. Ithaca; London: Cornell University Press.